

Священник Борис Старк, долгое время служивший в Париже, вспоминал, как однажды в 1944 году на улице французской столицы встретил двух пьяных немецких офицеров, шедших с миловидной девушкой. Естественно, он возмутился: как могли родители оставить без присмотра юное создание, да еще в таком постыдном обществе? Но, когда троика приблизилась, священник без труда узнал в ней Зинаиду Гиппиус, которой в то время было уже за сорок лет. Несмотря на почтенный возраст, она была стройная, из-за худобы казалась высокого роста и одета, как девочка, в платье до колен; умело наложенный грим скрывал ее годы, хотя при ближайшем рассмотрении скрыть их было невозможно. В ту пору уже не было в живых ее мужа - Дмитрия Мережковского, которого священник Борис Старк отпевал. Но Зинаиду Гиппиус после смерти мужа он на кладбище не встречал, хотя поклониться праху русского писателя приходили многие соотечественники.

О Зинаиде Гиппиус ходило немало самых разных слухов. Прежде всего ее отличал эпатаж. Поэт Валерий Брюсов, явившись к ней домой, застал ее совершенно нагую. Но Зинаида Гиппиус нисколько не смутилась и непринужденно повела разговор, отчего Брюсов смутился еще больше. Вот как он пишет в своем дневнике: "Я не знаю ваших московских обычаев. Можно ли всуюду бывать в белых платьях? Я иначе не могу. У меня иного цвета как-то кожа не переносит... В Петербурге так все меня уже знают. Мы из-за этого в театр не ходим, все на меня указывают... Вечером мы были у Соловьевых. Зиначка была опять в белом и с диадемой на голове, причем на лоб приходился бриллиант".

Нужно пояснить, что Зинаида Гиппиус была хозяйкой богемного салона, где собиралась творческая элита Петербурга. Судьба многих начинающих поэтов зависела от того, как посмотрит на них Гиппиус. Отсюда и тайный страх перед ней и ее мужем, благоволение, признание, без которого немислм путь в высший свет. Эпатаж, кажется, был для Зинаиды Гиппиус привычным состоянием. Например, выслушав стихи Бальмонта, она сквозь зубы произнесла: "Непонятно и пошло", отчего у последнего чуть не случилась истерика.

До сих пор исследователи не поняли толком, что связывало Зинаиду Гиппиус и Дмитрия Мережковского? На что, думается, верно ответила сама поэтесса: "Случалось мне опережать какую-нибудь идею Дмитрия, в большинстве случаев он ее тотчас же подхватывал, и у него она уже делалась махровее... Разница наших

Зинаиду Гиппиус называли сатанессой

натур была, однако, не такого рода, при каком они друг друга уничтожают, а, напротив, находят между собою гармонию".

Они венчались в Тифлисе, и так вспоминали современники о юной Зинаиде Гиппиус: "Худенькая, узенькая, с фигурой, какие потом называли декадентскими, с острым и нежным, будто чахоточным лицом, в ореоле пышных золотых волос, ниспадающих сзади толстою коскою, со светлыми прищуренными глазами, в которых было что-то зовущее и насмешливое. Вела она себя, как балованная девочка..."

Говорят, Зинаида Гиппиус была непредсказуемая, коварная, мстительная. Но, думается, наиболее точно о ней сказала Вера Муромцева - жена Ивана Бунина: "Про Гиппиус говорили - ала, горда, умна, самомнительна. Кроме "умна", все неверно, то есть, может быть, и зла, да не в той мере, не в том стиле, как об этом принято думать. Горда не более тех, кто знает себе цену. Самомнительна - нет, нисколько в дурном смысле. Но, конечно, она знает свой удельный вес..."

Искали с ней встречи и Александр Блок, и Сергей Есенин, и Андрей Белый... Александру Блоку Зинаида Гиппиус посвятила очерк "Мой лунный друг", где с удивительной прямоотой, с душевной болью повела о поэте, которого мы совершенно не знали. И первая мысль при прочтении: как несправедливо, резко, остро - ведь Блок для нас был всегда с хрестоматийным глянцем с его "Двенадцатью" и Иисусом Христом впереди... Но остынешь - подумаешь над событиями последних лет: развал державы, вселенский разрыв, хаос и неразбериха, беспредел и соглашения: да, и Блок отступил, и у него нервы не выдержали, искренности своей изменил...

Нет, Зинаида Гиппиус не претендует на роль судьи, не ее это дело, она с привычной прямоотой говорит о простых вещах: предательстве, попрании истины, сделке с собственной совестью.

Трудно понять, почему Троцкий называл ее

самым страшным врагом советской власти, состоящей вельмой. Ведь не писала она ярых антисоветских стихов, не призывала свергать социализм, не призывала к оружию. Где уж ей - богемной женщине, привычной к комфорту и светским разглагольствованиям. Видимо, боялся соратник Ленина, видимо, в ее поэтических строках видел страшную силу, которая поднимется и когда-нибудь овладеет умами людей.

Полвека забвения не отрунули поэзии Зинаиды Гиппиус. Она только приходит к нам - декадентская мадонна, сатанесса, ведьма. И нам предстоит узнать ее ближе, возможно, полюбить ее, а возможно, возненавидеть, но равнодушным к ней остаться нельзя. Эпатаж Зинаиды Гиппиус связан и с ее творчеством, и, словно предвидя свою судьбу, она сказала удивительно тихим голосом: "Ночью не спится от волнующего блаженства, а днем бродишь до усталости все равно где, и каждое лицо кажется красивым, каждый человек - близким, потому что он идет по милой улице, каждый камень мостовой - нужным. Если долго живешь - пена влюбленности исчезает, но память о ней, и возможность ее возвращения, и тихая, благодарная любовь - остаются". Кто знает, может, так случится и с ее поэзией?

Анатолий Полатов